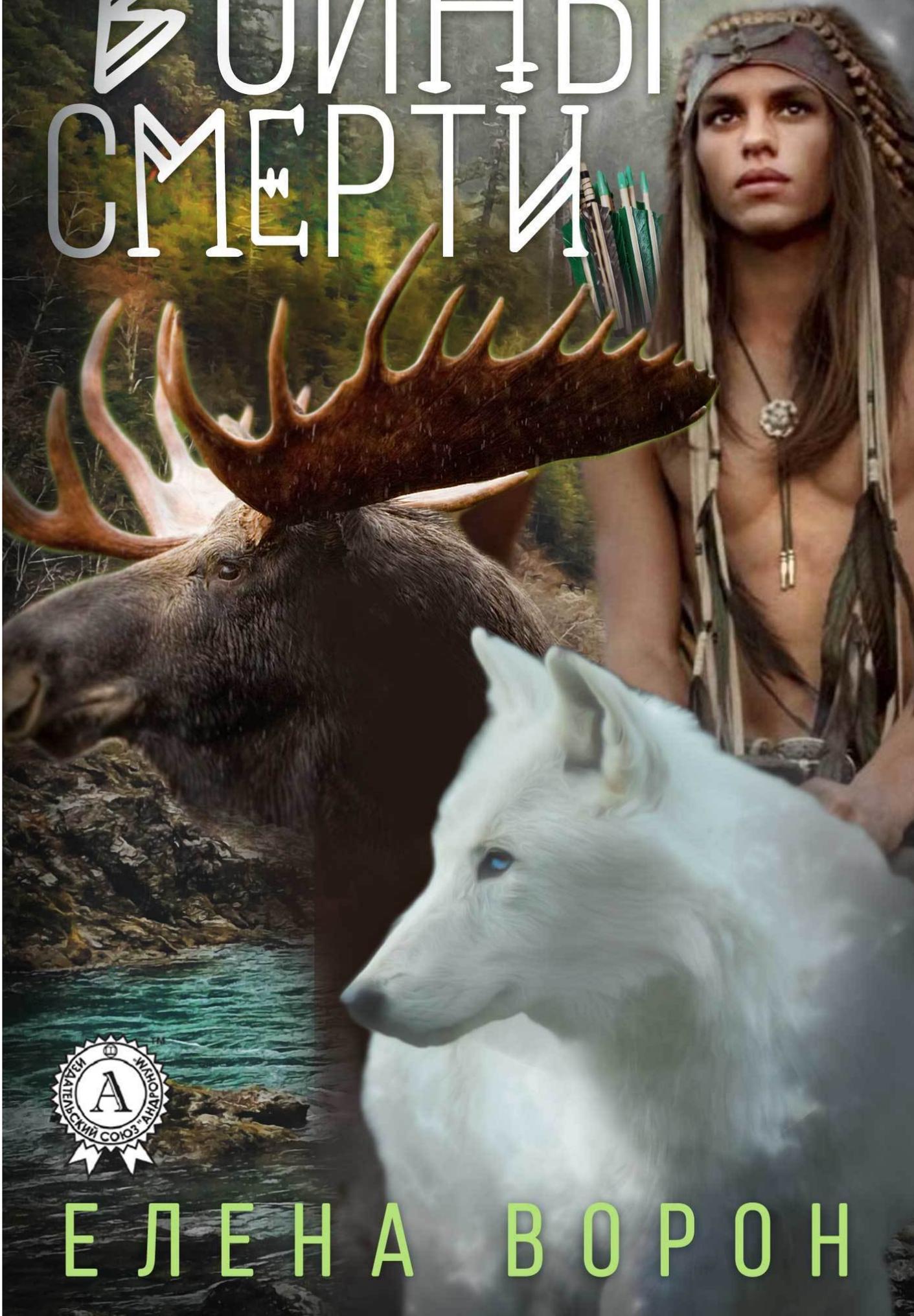

ВОИНЫ СМЕРТИ

ЕЛЕНА ВОРОН

Елена Ворон
Воины Смерти

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ворон Е.

Воины Смерти / Е. Ворон — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715046-3

Мир, переживший ядерную катастрофу, сильно изменился. Многие животные обрели разум, некоторые из людей – сверхспособности. А кое-кто, превратившись в лемутов – летальных мутантов, – наделен неистребимой злобой и ненавистью ко всему живому. Молодой Даниэль – охотник, пастух и умелый боец – вынужден противостоять сразу всем: неизменным опасностям леса, объявившимся в округе свирепым лемунам, коварному колдуну и даже священнику, чей долг – помогать и защищать. Беды приходят чередой, одна другой горше. К счастью, у Даниэля есть верный боевой лорс, преданный пес и смысленный младший братишка; но даже всем вместе не так-то легко выстоять против Воинов Смерти.

ISBN 978-0-88-715046-3

© Ворон Е.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Ворон

Воины Смерти

ЧАСТЬ 1

ПРОКЛЯТЫЙ СМЕРТЬЮ

Глава 1

Запах, доносящийся из седельной сумки, был восхитителен – сегодня Даниэль получил копченую оленину от самой Молли Мех, а тетушка Молли понимала толк в копчении.

– Боюсь, тебе этого и на два дня не хватит, – приговаривала она добродушно, заворачивая здоровенный шмат мяса в кусок чистого полотна. – Чует мое сердце – к вечеру смолотишь.

В словах тетки Молли крылась изрядная доля истины: Даниэль уже давно глотал голодную слюну, предвкушая, как доберется домой и закатит настоящий пир. Копченая оленина от Молли, сыр от нее же, свежий хлеб с тмином, пирог, пряная зелень и добрая кружка кленовой браги, бутылка с которой приторочена к седлу, – ужин выйдет на славу. Чудный запах мяса щекотал ноздри, и дорога от Атабаска-На-Закате до лорсиного загона казалась невозможно длинной. Обычно Даниэль успевал обернуться туда и обратно за полдня – от его хижины в лесу до поселка было миль двадцать, а лорс, на котором он ехал, скор на ногу. Но сегодня солнце уже скатывалось к горизонту, а до загона было еще далеко.

– Прибавь-ка ходу, парень, – сказал Даниэль Сат Ашу – Серому Ветру. – Я уж извелся. Есть охота.

Огромный лорс и ухом не повел. Старый упрямец полагал, будто он лучше хозяина разбирается в жизни и сам знает, надо ли поторапливаться или можно двигаться с откровенной ленцой. Сейчас он не видел никакого повода к спешке и продолжал идти своей размеренной иноходью, изредка схватывая с ветки листок-другой. Даниэль не стал упорствовать и подгонять Сат Аша. Без особой нужды перечить Серому Ветру – себе дорожке, норовистый старик затаит обиду и потом выместит ее, когда не ждешь. Скажем, наступит на корзину, которую Даниэль только что сплел, или подденет рогом постиранную и вывешенную сушиться куртку, да и закинет куда повыше – на сук или на крышу хижины; а то и самого хозяина выбросит из седла.

Лорсы необыкновенно сообразительны, однако своенравны и капризны, точно избалованные красотки. Наверное, размышлял Даниэль, древние лошади тоже имели обо всем свое мнение – иначе люди смотрели бы на них как на рабов и не любили бы, как любят друзей. Молодой пастух немало знал о древних лосях, от которых вели свою родословную нынешние лорсы, но вымершие после ядерной Смерти лошади оставались тайной. Даже преподобный отец Альбер, который знал больше, чем все население Атабаска-На-Закате вместе взятое, мало что мог рассказать.

Тропа к загону шла правым берегом реки Атабаск. Полноводная река сохранила свое название со времен до-Смерти, утратив лишь последнюю букву – Атабаска. Блестящая гладь воды то и дело просверкивала сквозь подлесок, и с реки долетало дыхание свежести.

Широкие копыта Сат Аша мягко ступали по усыпанной хвоей и прошлогодними листьями земле, и Даниэль словно плыл среди уносившихся ввысь красноватых сосновых стволов, к которым ластились перистые листья пальм. За прошедшие после Смерти сотни лет животный и растительный мир сильно изменился, а пальмой в Канде стали называть вымахавший выше человеческого роста папоротник.

Над головой суетились и верещали белки, стоял птичий гомон, и гудели тучи гнуса. Молодой пастух довольно улыбнулся. Вместе с олениной тетушка Молли дала баночку новой чудесной мази: ее резкий запах превосходно отгонял надоедную мошку. Сат Аш с фырканьем шарахнулся и опустил голову с разлапистыми рогами, когда хозяин подошел к нему, намазавшись для пробы этой вонючкой. Даниэль долго уговаривал подозрительного лорса, что он – его прежний хозяин, самый что ни на есть настоящий и безобидный. В конце концов Сат Аш уступил и позволил ему сесть в седло. К запаху мази Даниэль уже привык и перестал замечать, зато волшебный аромат копченой оленины дразнил его все сильнее.

Этой весной лорсиному пастуху исполнилось двадцать шесть. Невысокий, худошавый, он был гибок и проворен, как лесной кот. У большинства метсов кожа имела цвет красной меди; у него же была значительно светлее – там, где ее закрывала одежда; обветренное лицо и руки были коричневыми, как старая сосновая кора. Волосы у него были черные и прямые, как у всех; небольшой нос имел горбинку – но это, конечно, не был орлиный нос коренного метса, придававший лицам других обитателей Атабаска-На-Закате хищное выражение. Кроме того, у Даниэля не росли усы и борода, словно он был иннейцем. Однажды, еще до встречи с Элисией, он смущенно признался отцу Альберу, как его огорчает юношеское гладкое лицо. Мудрый священник ответил:

– Тебе есть, что скрывать, сын мой? Неужто ты и впрямь хотел бы прятать лицо за бесполезной шерстью?

Скрывать Даниэлю было нечего, а Элисия любила его и безусым. Элисия, Элли... Уже больше года минуло с того дня, когда отец Альбер привел Даниэля на место, где она погибла...

Внезапно Сат Аш вытянул шею и принюхался. Запрядал ушами. Остановился. Фыркнул, сделал шаг и снова стал. Даниэль явственно ощутил тревогу лорса – она пришла неприятным, зудящим, гонящим куда-то чувством. Он выпрямился в седле, вслушиваясь в привычные звуки Тайга. Не услышал ничего особенного – однако Сат Аш под ним напрягся, длинная черная шерсть на шее зверя вздыбилась. Даниэль крепче сжал поводья.

– Что такое? – спросил он тихонько, словно Серый Ветер мог ответить на человеческом языке.

Громадный зверь вдруг с ревом вскинулся на дыбы. Даниэль успел стиснуть коленями его мохнатые бока и потому не вылетел из седла. Раздвоенные копыта ударили темный, дрожащий от гнуса воздух; лорс опустился на все четыре ноги и стремглав ринулся вперед по тропе.

Молодой пастух пригнулся к могучей шее скакуна. Тайг полон опасностей, из-за любого ствола на человека может выскочить смерть – зверь, лемут, вооруженный разбойник. Даниэль окинул мысленным взором свое оружие: большой лук за спиной, два десятка отменных стрел в колчане, справа на ремне висит длинный нож с костяной рукоятью, слева – меч. Меч достался Даниэлю от бабки, которая лет пятьдесят назад пришла на берег Атабаска с отрядом Стражей Границы. Клинок был невелик, но прочен и очень остер; ковали его не здесь, не в западной части Канды, и рукоять оплетала тонкая вязь из непонятных символов. В бою Даниэль полагался не столько на собственную силу, сколько на проворство и увертливость, и бабкин меч еще ни разу его не подвел. Вдобавок у него был Сат Аш. Разлапистые рога, которые лорс уже шесть лет как не сбрасывал на зиму, – это двенадцать грозных копий, и еще страшней его громадные копыта, которые с легкостью крошат черепа и кости. Кого бы ни учуял старый лорс, врагу придется несладко.

Сат Аш яростно храпел, его тяжкий топот отдавался у хозяина в висках. После смерти Элисии Даниэля уже ничто не пугало, кроме бед, грозящих в Тайге лорсятам. Уезжая в Атабаск-На-Закате, он оставлял сеголеток под защитой сильных самцов и неукротимых в драке самок – но кто знает, кого принесла нелегкая к загону, кто из приспешников Нечистого сейчас подбирается к стаду.

Сат Аш несся по тропе. Отец Небесный, сколько еще скакать! Даниэль похолодел, представив, как некто расправляется с лорсами. Белоногие лорсихи мечутся в загоне, толкают мордами телят, пытаются прикрыть их телом; самцы, силясь добраться до врага, бьют копытами по бревнам изгороди – стоит грохот и треск, брызжут щепы. А поверх изгороди летит брошенное издалека копьё, втыкается в мохнатую шею. Зверь шатается и хрипит, темная шкура пропитывается красным, подламываются ноги...

Даниэль стиснул зубы. Быстрее же, быстрее, опоздаем! Внезапно Сат Аш огромным прыжком свернул с тропы и ринулся вглубь леса. С обонянием и слухом лорса человеку не тягаться; чуткий зверь услышит дыхание затаившегося врага за полмили. Похоже, враг откапился от загона и удирает – а Сат Аш бросился наперерез. Даниэль натянул поводья. Если какая-то нечисть улепetyвает, только сумасшедший в одиночку кинется за нею вдогон.

Лорс мотнул головой и продолжал мчаться.

– Стой! – выкрикнул пастух. – Сат Аш, стоять!

Серый Ветер как будто не слышал. Даниэль сосредоточился, пытаюсь мысленно передать свой приказ зверю. Куда там! Казалось, Сат Аш еще прибавил ходу. Хозяин боролся с ним, желая успокоить его ярость, внушить, что надо поворачивать к загону. Даниэль не обладал способностью к мощному ментальному контакту, как отец Альбер или любой другой священник; в лучшем случае, он мог сообщить настроение либо мысленный образ. А старый лорс точно обезумел – с тем же успехом Даниэль мог бы укрощать бурю.

Он бросил попытки образумить Сат Аша. Щурясь от бьющего в лицо ветра, Даниэль вглядывался в несущиеся навстречу стволы и ветки. В глаза ударил солнечный свет – они оказались на обширной прогалине. Сат Аш взревел: на дальнем ее краю мелькали серые шкуры. Огромные обезьяноподобные существа – Волосатые Ревуны. Целая стая! Даниэль выхватил меч, а левой рукой отчаянно рванул поводья. Мощный эмоциональный всплеск проник в сознание лорса, Сат Аш сделал громадный прыжок и стал как вкопанный.

Во внезапной тишине Даниэль расслышал отдаленный рев своих лорсов. Живы. Слава Небесному Отцу. Судя по всему, лемуты побывали у загона, но были вынуждены убраться.

Похожие на косматых обезьян Ревуны скрылись за стволами сосен. Даниэль подумал, что их было с полдесятка, а вовсе не стая – у страха глаза велики. Что их сюда привело? Уж года четыре, считай, в этих краях Ревунов не встречали. Ну что ж, ушли без драки – вот и славно. Пастух вложил меч в ножны и потрепал Сат Аша по улегшейся черной гриве.

– Давай к дому.

Лорс в ответ вдруг захрапел, его грива опять приподнялась. Что такое? Новая опасность? Даниэль бросил быстрый взгляд по сторонам, рука легла на рукоять меча.

Так и есть. Шагах в пятидесяти от них на прогалину выбрался еще один Ревун. Его длинные руки бессильно болтались, шагал он неуверенно, пошатываясь и спотыкаясь. Пастух выжидал, всматриваясь. Сат Аш всхрапывал, его шкура подергивалась. Он стоял на месте, но всем своим видом давал понять, что в любую секунду готов ринуться в схватку. Даниэлю стоило только подумать, и Серый Ветер бросился бы к мерзкой твари и затоптал ее.

Ревун брел через прогалину, не замечая ни лорса, ни человека. Держа меч наготове, Даниэль тронул поводья. Сат Аш тихим шагом двинулся к лемуту. Помня свою вину, хитрый старик сейчас был послушнее самой кроткой лорсихи. Пастух обеспокоенно вглядывался в обезьяноподобное чудище. Все его чувства, все инстинкты кричали: убей! Однако в волосатой гадине было нечто неясное и тревожащее. Вроде бы лемут не ранен – и все же он едва ковыляет. Отчего бы это? Он болен? На приспешников Нечистого напал мор? Даниэль в жизни не слышал ни о чем подобном – лемуты были здоровей здорового и, насколько он знал, гибли только от ран, нанесенных в бою, либо умирали в глубокой старости.

Он объехал Ревуна кругом. Сат Аш прижимал уши, храпел и злобно скалился. Его обижало, что хозяин вошкается с мерзопакостным существом, а не зарубит его одним ударом.

Глаза у лемута были мутные, невидящие. Даниэль отчетливо воспринимал чувства своих лорсов и прочих зверей, не говоря уже о людях, – однако сейчас он не улавливал той ненависти и злобы, которыми истекают любые лемуты.

Ревун спит, осознал он вдруг. Спит на ходу. Что это – сонная болезнь? Где он мог ее подцепить? Да не заразна ли она для лорсят?! Ведь твари побывали у загона... От пронзившего хозяина страха Сат Аш присел на задние ноги и сделал длинный скачок в сторону. Даниэль сунул меч в ножны и сорвал с плеча лук. Пристрелить эту пакость и закопать поглубже вместе со всей заразой!

Запела отпущенная тетива, стрела впиалась Ревуну в горло. Лемут с хрипом повалился наземь, в широкие листья земляники. И точно в ответ, из леса, с той стороны, куда скрылись остальные Ревуны, долетел слабый крик. Он нисколько не походил на вибрирующий вой Волосатых; он вообще не был похож ни на что, когда-либо слышанное на берегах Атабаска. В лесу непрерывно шла охота одних на других: предсмертные крики птиц, белок, зайцев и оленей были хорошо знакомы пастуху, не один год прожившему возле лорсиного загона. Но этот мяукающий вскрик, этот жалобный плач – кто мог его издать? Даниэля передернуло. После того, как погибла Элисия, у него щемило сердце при виде раненого или убитого зверья, и от криков подранков сжималось горло.

Он направил Сат Аша к дому. Убитого лемута он зароет позже, а сейчас надо торопиться к лорсам.

Его подопечные бушевали в загоне. Огромные звери никак не могли успокоиться после нашествия лемутов, их рев сотрясал окрестный лес. Сат Аш вновь рванулся со всех ног, чуя неладное; у Даниэля заныло в груди. Затем он расслышал голос Сильвера. Пес взлаивал и подвывал – то горестно, то злобно, словно рассказывал лесу о постигшей его беде.

Серый Ветер примчался к загону и остановился, храпя и вздрагивая. Загон был сооружен очень просто: часть леса была отгорожена двумя рядами бревен, которые Даниэль прибил к стволам так, чтобы лорсята не подлезли под нижние, а взрослые лорсы не перепрыгнули через верх. Затем полученное пространство он разгородил еще раз, и по обе стороны перегородки обитали две лорсиные семьи: два молодых самца, которые гордо держались поодаль друг от друга и никогда не подходили к внутренней границе, и шесть лорсих с телятами. Лорсихи были не прочь пообщаться с соседками и часто собирались у перегородки в одно маленькое стадо, которое мирно паслось и хрупало ветками, а лорсята в это время резвились, как всякие малыши. Самцы же были всегда настороже, вслушиваясь в звуки Тайга и принимаясь к его запахам. Уезжая в Атабаск-На-Закате, Даниэль обычно отправлял в загон и Сильвера: верный пес оказывался под защитой лорсиных рогов и копыт, и ни один волк не рискнул бы сунуться за изгородь, чтобы задрать собаку.

Даниэль скатился с седла и опрометью кинулся ко входу в загон; выдернул из пазов и отбросил верхнюю слегу. Перепрыгнул через нижнюю, крикнул:

– Сат Аш! – и помчался через изрядно потоптанный и погрызенный лорсами подлесок туда, где тревожно и яростно ревело стадо.

Сат Аш махнул следом, обогнал хозяина и скрылся за стволами. Даниэль бежал со всех ног. Где же звери? Наконец он увидел: впереди ходуном ходили ветки, мелькнул серый круп лорса, затем показалась белоногая лорсиха. Она дернула головой, заметив хозяина, – и вдруг гигантским прыжком скрылась в зарослях. Из подлеска вынырнул разъяренный Одживей – Ноги Как Дуб – глава семьи, молодой воинственный самец. Его отрастающие после зимы рога были еще совсем мягкие и не представляли опасности; однако пастух всей кожей почувствовал, как еще миг – и на него обрушатся тяжелые копыта. Даниэль прынул назад, скользнул за ближайшую осину. «Одживей, – позвал он мысленно, вкладывая в зов всю свою привязанность к лорсам, все спокойствие и уверенность в своих подопечных. – Оджи, Оджи, умница мой».

Храпящий лорс остановился, опустил голову. От его тяжелого дыхания колыхались листья пальмы у ног прильнувшего к стволу Даниэля. «Не узнал? – ласково продолжал пастух. – Не узнал хозяина?» Лорсы, конечно, не понимали его мыслей, однако хорошо воспринимали настроение, и за неполный десяток лет, что он работал со зверями, Даниэль наловчился с ними обходиться.

Одживей вытянул шею и подозрительно принюхался. Даниэль остро посетовал в душе, что от него несет резкой и, главное, непривычной противомоскитной вонючкой. Это же оскорбление для чувствительного лорсиного носа. «Хороший Оджи, хороший. Успокойся, приятель, я тебя не обижу. Ты же смысленный парень и понимаешь, кто тут стоит». Лорс настороженно изучал его. Тот и не тот, хозяин и не хозяин. Даниэль стоял тихо, весь уйдя в мысленный контакт со зверем, уговаривал его, убеждал, улещивал. Наконец Одживей шумно вздохнул, словно хотел сказать: «Ладно уж, поверю тебе», – и отвернулся. Зашагал назад, туда, где по-прежнему волновались лорсихи. Пастух двинулся за ним, сдерживая шаг, чтобы не напугать теперь самок.

И вот он увидел. На земле, на смятых листьях пальмы, распластался серовато-коричневый лорсенок. Он лежал на брюшке, тонкие белые ноги были растопырены и вытянуты вперед, а голову Даниэль никак не мог рассмотреть, как будто ее вдруг не стало. Где же голова? Оторвана? Вокруг топтались лорсихи. Одна – у нее всегда были такие печальные глаза, что Даниэль звал ее Ага Шау, то есть Мать Скорби – все подталкивала теленка носом, пыталась приподнять. Две другие тревожно взреывали, лорсята жались у них под брюхом. Одживей молчал, поводил головой, а Сат Аш храпел и в ярости взбивал копытами землю. Чуть в стороне сидел Сильвер, Серебряный Пес – крупней матерого волка, серебристо-серый, точно седой – и по-собачьи горевал, одновременно жалуясь на жизнь и угрожая подлому врагу.

– Ага Шау, – окликнул Даниэль.

Лорсихи с телятами всхрапнули и шарахнулись прочь, а Мать Скорби крутанулась на месте и приподняла ногу с грозным раздвоенным копытом.

«Ага Шау. Хорошая. Бедная ты моя...»

Из-за плеча Даниэля выдвинулась морда Сат Аша. Старый лорс фыркнул, и чуткая к мысленному контакту Мать Скорби опомнилась, признала хозяина. Отвернулась и снова ткнулась мордой в своего мертвого теленка.

Пастух подошел ближе. Вот оно что – головка малыша попала в развилку ствола, и он задохнулся.

– Ау Тах, – вымолвил Даниэль, опускаясь на колени. Ау Тахом – Танцующим Под Луной – прозвал он теленка, увидев однажды, как тот кружится на поляне в лунном свете.

А это что? На шее у лорсенка была затянута петля, и длинный конец кожаного ремня лежал на земле. Тонкое, прочное, отлично скользящее лассо. Ау Таха поймали и думали увести из загона; оттого и растопырены голенастые ноги, что он изо всех силенок упирался, когда его тащили. А потом угодил между стволов. Лемуты, будь они прокляты... Даниэль бережно выпростал голову лорсенка, распустил затянутую петлю и снял ремень. Медленно, механическим движением свернул его и повесил на сук. Погладил серовато-коричневый мех малыша.

– Ау Тах... Бедолага.

В шею ему ткнулся собачий нос. Пастух оттолкнул пса; Сильвер взвизгнул. Даниэль оглянулся и увидел, что Серебряный поджимает переднюю лапу. Похоже, сломана. Острые уши стояли торчком, желтоватые прозрачные глаза смотрели на хозяина преданно и виновато, пушистый хвост был опущен. Сильвер неловко переступил на трех лапах и лизнул Даниэля в подбородок.

– Отвяжись. Не уберег – и не подлизывайся...

Он умолк, перевел дыхание. В Тайге смерть крадется по всем тропам и может подстеречь любого – человека, собаку, взрослого лорса. Без толку корить пса за то, что сам он жив, а лорсенок – нет. И все же Танцующего Под Луной было жаль до слез.

Даниэль тяжело поднялся, прошелся по загону. Из-за перегородки доносился храп и фырканье второй лорсиной семьи.

Сат Аш следовал по пятам за хозяином, за лорсом ковылял Сильвер. А вот и враг. Сат Аш всхрапнул и прыгнул вперед, встал над лемутом, который лежал с разможенной головой. Понятно: его прикончили лорсы. Чуть в стороне Даниэль заметил вторую тварь – у этого было прокушено горло, кровь забрызгала землю и листья кругом, пропитала шкуру на груди. Молодчина, Сильвер.

Больше Даниэль никого не нашел, вернулся к теленку и унес его из загона. Хоть и малыш, весил Ау Тах изрядно. Пастух наложил шину из щепок на сломанную лапу Сильвера, закрыл пса в хижине, чтобы не путался под ногами, и возвратился к лемутам.

От них исходила мерзкая вонь, и над обоими жужжали мухи. Даниэль стянул одному ноги тем самым лассо, которым поймали лорсенка, и выволок Ревуна из загона, затем тем же способом вытащил второго. Потом он связал лемутов вместе, свободный конец лассо прикрепил к седлу Сат Аша и направил старого лорса к прогалине, где остался застреленный Ревун, больной сонной болезнью. Лопату Даниэль нес на плече и в любую минуту был готов скинуть ее и схватиться за меч. Однако Серый Ветер шагал вперед уверенно и без опаски; очевидно, волосатые твари были уже далеко.

Что заставило лемутов лезть в загон, рискуя шкурой, и похищать лорсенка? Не мясо же, в самом деле. Ревуны живут на растительной пище, как и их далекие предки-обезьяны, и в Тайге им не составит труда добыть себе обед – разные коренья или, на худой конец, листья клена. А тут сунулись под копыта лорсов – помешались они, что ли? Да еще тот, который с сонной болезнью. Один заболел, а другие спятили? Даниэль ломал голову, силясь найти разумное объяснение произошедшему, и не находил.

Уже сгущались сумерки, когда он зарыл на прогалине троих лемутов и верхом на Сат Аше возвратился к хижине.

Под пологом леса было темно и неудобно; однако сложенное из еловых бревен пастушьё жилище стояло на обширной площадке над рекой, и возле хижины еще теплилась память о дне. Солнце уже опустилось за Атабаск, но над землей плыл розоватый свет, отраженный от большого облака на небе. Кроны и стволы деревьев приобрели неестественный оттенок, мир как будто слегка искривился, придвинулся – но от этого не стал чужим или страшным.

Даниэль глубоко вдохнул свежий речной воздух. Он любил это место – открывающийся взору простор Атабаска, широкий спуск к реке, стену леса, который с трех сторон окружал площадку. Любил мирное похрустывание и шорохи, доносящиеся из выгороженного слева от хижины лорсиного загона... Однако в этот вечер из загона несло призывное мычание Ага Шау. Бедная лорсиха все звала своего теленка, все ждала: а вдруг он вернется? Прежде Даниэлю казалось, будто его жилище – самое покойное место на всем Атабаске; но вот сюда заявились лемуты, напомнили о каверзах окружающего мира.

Надо было похоронить Танцующего Под Луной. Его не повесишь к потолку, как копченый окорок, и один Нечистый знает, какие твари соберутся ночью на нем пировать. Даниэль сунул в рот кусок оленины – той самой, которую вез для роскошного ужина, – выпустил из хижины Сильвера, дал ему нести в зубах незажженный факел, кликнул Сат Аша и понес лорсенка к реке, чтобы закопать на открытом месте.

Тайг жил обычной ночной жизнью. Шорохи, писк, крики ночных птиц, уханье филина. Вдалеке затыкала лисица; над головой раздался мягкий шум и посвист больших крыльев. Даниэль проводил взглядом силуэт снявшейся с дерева и полетевшей вдоль реки крупной птицы. Затем он воткнул факел в землю, зажег его и принялся копать мягкую землю. Правильное выбрал место – почва здесь легкая, без корней; скоро управимся. Сильвер сидел за кругом света, наблюдал за хозяином, держа на весу одетую в шину лапу. Его глаза то и дело отсвечивали зеленым, а седая шкура в белесом сумраке не успевшей загустеть ночи казалась

белой. Сат Аш поначалу настороженно прядал ушами, озирался, затем отошел к прибрежному кустарнику и начал обкусывать молодые ветки. Даниэль углубился в работу: коли старый лорс ужинает, можно быть уверенным: врагов поблизости нет.

Совсем стемнело, и лишь красноватые отсветы пламени дрожали на сухой, поросшей мхом и редкими былинками земле. В вырытой яме лежала густая тень, и оттого могила Ау Таха казалась глубокой, как колодец. Даниэль опустил лорсенка в яму и принялся сноровисто засыпать.

Внезапно Сильвер вскочил и, припрыгивая на трех лапах, повернулся к лесу. Старый лорс прекратил жевать. Даниэль отложил лопату и потянул из ножен меч. Клинок вышел бесшумно, но ярко блеснул в свете пламени. Даниэль отступил в темноту, напряженно вглядываясь и вслушиваясь. Ровный гуд москитов, печальные вскрики совы-сплюшки, громкий плеск на реке – какой-то зверь бросился в воду и поплыл...

«Сат Аш, – мысленно позвал пастух. – Сат Аш, поди сюда. Ко мне!»

– Сат Аш, – окликнул он вполголоса, так как старый лорс не шелохнулся. Даниэль с трудом различал черную массу его тела на фоне кустарника.

Глухо заворчал Сильвер.

– Сат Аш, ко мне! – повелительно сказал Даниэль.

Упрямец опять не послушался.

Ясно ощущая близкую опасность, пастух метнулся через площадку, одним махом взлетел в седло. У лорса был напряжен каждый мускул, каждая клеточка его громадного тела впитывала запахи и звуки. Даниэль тронул поводья.

– Пошел!

Серый Ветер двинулся на середину площадки. Кто бы ни подкрадывался из леса, ему придется пересечь открытое пространство, и внезапное нападение из зарослей не удастся.

Рычание Сильвера стало громче. Хромой пес попятился, скаля клыки.

– Сильвер, молчать, – приказал пастух, и пес умолк.

Обострившийся слух уловил шелест листьев в лорсином загоне, хруст тонких веточек под копытами. Где-то с заполошным криком сорвалась с ветки птица. И вдруг – холодок пробежал у Даниэля в груди – издали донесся еле слышный стон. Щемящий крик-плач, который он уже слышал сегодня. Кто-то попал в беду и звал на помощь. Некто слабый, беззащитный, напуганный до смерти умолял о спасении.

Сильвер зашелся яростным лаем. Казалось, стоявший кругом темный Тайг испуганно вздрогнул и залаял в ответ – над площадкой загуляло эхо. Сат Аш мотнул головой, ударил копытом о землю. Даниэль крепче сжал рукоять меча. Жаль, нет у него пороховых гранат; в поселке – он знал это – имеется приличный запас. Если к утру он останется в живых, непременно вытребует пяток гранат у начальника стражи...

Лорсы в загоне подняли рев. Если бы сюда забрели дикие звери, они бы уже улепетывали во весь дух. Однако Даниэлю, видимо, придется иметь дело с существами разумными, которых галдеж не испугает. Он быстро просчитал возможности. Положим, вернулись давешние Ревуны. Их штук пять – семь, в худшем случае – десяток. В рукопашном бою он зарубит двоих или троих, кого-то затопчет Сат Аш, хотя бы на одном повиснет хромой Сильвер. Тогда остальные, защити нас Господь, пустятся наутек... или не пустятся. Или же у них найдутся луки либо арбалеты, и тогда до рукопашной дело может не дойти... Ну, где они там? Пастух отчетливо ощутил исходящую от лемутов злобу.

Бешеный лай пса внезапно оборвался. Сильвер с визгом опрокинулся на бок. Подстрелили?! Но Даниэль не слышал свиста стрелы. Пес как-то странно мчался к лесу. Пастух не сразу осознал, что именно он видит. Светлые, хорошо различимые в сумраке лапы пса дергались в воздухе, он извивался, лаял и визжал – и ехал на спине через площадку. словно чары

Нечистого лишили его способности держаться на лапах, и то же злое колдовство несло Серебряного в чью-то невидимую пасть.

Сат Аш ринулся вперед, в два прыжка догнал пса. Третий – упреждающий – прыжок. Даниэль соскочил наземь, всем телом рухнул на пронсящегося мимо пса. Поймал его заднюю лапу.

Сильвер взвыл от боли, что-то со страшной силой тянуло его дальше. Черная стена леса поднималась в двух десятках шагов – стоит только псу оказаться в зарослях, считай, он погиб. Не выпуская лапу, Даниэль подтянулся вперед. Сат Аш с яростным храпом топтал что-то, лежащее на земле между Сильвером и лесом.

Пес выл и дергался. Его лапы – здоровая передняя и одна задняя – были вытянуты и как будто указывали на деревья. Какие тут, к Нечистому, чары... Привстав на коленях, Даниэль рубанул мечом возле лап – раз, другой. Клинок засел в земле, а Сильвер попытался вскочить. Сведенные вместе лапы не удержали, он снова опрокинулся наземь. Из зарослей донесся вой разъяренных Ревунов – две или три глотки, отметил пастух.

Повернувшись мордой к лесу, Сат Аш тоже издал оглушительный рев. Даниэль разрезал клинком ремень, которым были стянуты лапы пса. На этот раз они бросали не лассо – просто ремень с тремя хвостами, к каждому из которых привязано по камню. Такая снасть обвивается вокруг ног зверя и прочно его держит.

– Домой! – велел он Сильверу, и пес неуклюже запрыгал к хижине.

Вой лемутов отдалился, затем смолк. Умолк и Сат Аш, затихли лорсы в загоне. Даниэль прислушался к ошарашенному молчанию леса, похлопал лорса по мохнатому боку.

– Молодец, пар... – Он осекся.

Издали вновь долетел молящий зов. Даниэль невольно шагнул к непроглядной мгле Тайга. Опомнился. Сердце колотилось, его стук отдавался в висках. Кто там такой? Каким образом это существо связано с лемутами?

Он перевел дыхание. Кстати, о лемутах. Что это за новости – охота на домашний скот? Сперва они пробуют увести лорсенка, затем – собаку. Глядишь, так и на человека покусятся. Какого рожна им надо? Что за выходки Нечистого?

Даниэль неуверенно помолился. Он не слишком-то верил в Небесного Отца, куда больше полагаясь на меч, Сат Аша и свою сообразительность; особенно сильно его вера пошатнулась, когда Господь допустил гибель Элисии. Однако сейчас очень хотелось, чтобы кто-нибудь его поддержал и надоумил, что делать.

Что делать? Перво-наперво сообщить о происходящем в Атабаск-На-Закате, подсказывал здравый смысл. А кровоточащая, так и не залечившая рану душа говорила: завтра мы отправимся в Тайг искать того, кто молит о помощи.

Глава 2

Тот ноябрьский день, полтора года назад, был печальным и радостным одновременно. Печальным – потому что приходилось расставаться с подросшими лорсятами; радостным – оттого, что Даниэль сдавал начальнику стражи будущих боевых лорсов. Их было четыре – четверо неугомонных озорников, которые сегодня или, в крайнем случае, завтра обретут хозяев. Именно сейчас, когда лорсятам только-только исполнилось по шесть с половиной месяцев, они в течение нескольких коротких дней могут с легкостью перейти от своего пастуха к чужим людям, и каждый будет предан новому хозяину, станет его воспитанником и другом.

Запоздаешь с передачей телят – рискуешь, что у них испортится характер, они станут слишком норовисты и капризны, и вышколить их для кавалерии или борозды будет куда как непросто. Другие пастухи, случалось, передавали телят в новые руки и в восемь месяцев, и в год, однако у Даниэля была своя точка зрения, подкрепленная опытом, и на его лорсов никогда не жаловались.

Каждый год по осени он расставался с лорсятами, испытывая разом и гордость, и грусть. Он, пастух, умеющий вступать в мысленный контакт с лорсами, растил и воспитывал малышей, оценивал их способность служить человеку: выйдет ли из лорсенка добрый бегун или боец, годен ли он для пахоты и иных хозяйственных работ – или же в нем чересчур сильна кровь давних предков, которые не так уж много времени бодрствовали и кормились, а по большей части спали.

В тот год из шести родившихся телят Даниэль сберег всего четверых: от укуса змеи погибли две ласковые телочки, его любимицы. Конечно, безопаснее было бы жить в Атабаске-На-Закате и пестовать лорсят под прикрытием толстых стен форта. Однако в людском муравейнике хорошего лорса не вырастишь, поэтому место для загона было выбрано вдали от поселка. Собственно говоря, загон мог бы находиться и поближе, скажем, милях в трех от Атабаска-На-Закате, однако пастух выбирал место, руководствуясь внутренним чутьем, – а оно требовало строить загон там, где его и построили. Именно здесь, чувствовал Даниэль, силы земли, воды и леса связаны между собой самым благоприятным образом; именно здесь лорсята станут развиваться всего лучше, и их умственные способности будут всего выше. Поэтому хижина его стояла в двадцати одной миле вниз по течению реки, и лишь раз в неделю, по субботам, Даниэль навещался в Атабаск-На-Закате записаться в едой и заглянуть к родным.

Вот и в этот торжественный день он явился в поселок совсем ненадолго.

Сат Аш неторопливо вышагивал по главной улице Атабаска – широкой песчаной дороге, вдоль которой тянулись добротные, сложенные из лучших сосновых бревен, дома. Дорога была мокрой после недавнего дождя, но ветер уже разнес тучи, и в лужах, присыпанных поздними осенними листьями, отражалось синее небо.

За Сат Ашем трусил четверка привязанных ремнями лорсят. Со стороны могло показаться, будто они всю жизнь прожили в Атабаске-На-Закате и совершенно привычны и к людям, и к собакам, и к повозкам, в которые были впряжены тягловые лорсы – особая безрогая порода, выведенная всего каких-то лет тридцать назад. Однако сидевший в седле Даниэль был предельно сосредоточен и ни на миг не выпускал лорсят из зоны мысленного контакта – ободрял их, успокаивал, утешал. Ведь бедные малыши впервые остались без матерей и попали в ужасное место, где скопилось стадо огромных пастушьих хижин, где бегают стая чужих Сильверов, где вместо одного привычного пастуха – целая толпа народу, да и пастухи ли это? Словом, Даниэль словно щитом прикрывал своих питомцев, чтобы первая встреча с людьми и с поселком не свела на нет его труды, не загубила в лорсятах будущих отличных бойцов.

Жители Атабаска-На-Закате все это знали. Никто не заговаривал с пастухом, любопытных собак гнали прочь, повозки прижимались к обочине, уступая дорогу.

Так они добрались до главной – и единственной – площади поселка. На площадь выходили ворота старого форта, построенного пятьдесят лет назад, когда в эти места пришел отряд Стражей Границы; его темная от времени, но все еще крепкая бревенчатая стена ограничивала площадь с одной стороны, глядела на мир узкими бойницами. Сколько Даниэль себя помнил, ворота форта всегда стояли распахнутые настежь.

Справа от ворот находилась церковь – с жестяной крышей, строгая, аккуратная, выстроенная с любовью к Господу и к месту, на котором поселились осваивающие Тайг люди. Рядом стоял окруженный палисадником дом преподобного отца Альбера; в палисаднике чуть не круглый год буйствовали разнообразные цветы. В поселке беззлобно поговаривали, что жена священника уделяет цветам больше внимания, чем собственным детям.

Затем, на приличном от церкви расстоянии и уже напротив стены форта, располагалась большая лавка, принадлежащая Шарлю Лерою. Лерой был сыном первого начальника форта и немало этим гордился. По соседству с его лавкой находилась лавчонка поменьше и с виду скромней. Ее держал Микки Старр, и к нему хаживали в основном молодые женщины, девушки и надумавшие жениться парни: Микки торговал украшениями и безделушками, которые ему привозили с разных концов света. Микки с успехом мог бы продавать свой товар в большом городе, а не в Атабаске-На-Закате, где едва насчитаешь три сотни домов, – однако лавочник называл себя патриотом и не собирался никуда переезжать.

Замыкали площадь две соперничающие друг с другом таверны: «Золотой лорс» и «Жемчужина Атабаска». На вывеске «Жемчужины» красовалась открытая раковина; дородный моллюск с наслаждением тянул из кружки пенящееся пиво, а нарисованная серебряной краской жемчужина сияла на краю ракушки и грозила выкатиться и удрать. Вывеска «Золотого лорса» отличалась сдержанным изяществом: вырезанная из дерева лорсиня голова приветливо глядела на посетителей, а широкие рога блестели позолотой.

подавали в тавернах кленовую брагу, пиво, оленину и разнообразнейшие блюда из овощей. Овощи в Атабаске-На-Закате росли знатные и славились на десятки миль вокруг, а стряпухи в обоих заведениях были хоть куда. Соперничество двух таверн изредка выливалось в драку хлебнувших лишку завсегдатаев и вносило некоторое разнообразие в мирную жизнь поселка.

В лавку Лероя сегодня пришел обоз с мукой – три повозки. На одной из них сидела женщина в алом плаще с накинутым на голову капюшоном. Плащ намок и потемнел – недавний дождь застал обоз в дороге. Возницы уже согревались бражкой в таверне, а двое сыновей Лероя споро таскали плотно набитые, чуть пылящие белым мешки. Работа остановилась, когда на площади показался Сат Аш с Даниэлем на спине и четверкой лорсят позади. Нелегкий труд лорсиного пастуха в чести, и плоды его интересны всем. Окинув взглядом телят, молодые Лерои одобрительно покивали, но, как и положено, не издали ни звука.

Даниэль заметил и сыновей лавочника, и повозки, и женщину в алом плаще, однако не повернул головы. Перво-наперво нужно завести лорсят в форт, а потом уже он перекинется словом и с Лероями, и с приезжей – если, конечно, она пожелает с ним разговаривать; уж больно дорогой на ней плащ, и надменна застывшая поза.

Сат Аш внезапно всхрапнул и сбился с шага. Остановился, тревожно вытянув шею. Даниэль сделал усилие, сохраняя невидимый щит над лорсятами, и обшарил глазами площадь. Повозки с мукой, братья Лерои, женщина в алом, две местные кумушки, ребенок верхом на собаке, как на лорсе, еще одна псина трусит по дороге между домом преподобного Альбера и лавкой... Черный, как ночь, пес миновал палисадник у дома священника и выбежал на площадь. Пасть его была приоткрыта, с клыков бежала слюна. Захрапел и рванулся впряженный в повозку лорс, повозка едва не опрокинулась.

Даниэль выхватил из-за плеча лук, накиннул тетиву, выдернул стрелу из колчана. Дзинькнула спущенная тетива – стрела вошла в черный косматый бок. Пес взвыл, сделал несколько судорожных прыжков и повалился наземь. В пасти белела пена. Бешеный!

Коротко рывкнул Сат Аш, взвились на дыбки и заголосили внезапно лишенные щита лорсята. Их ремни перепутались, началась свалка. Даниэль соскочил с седла, бросился к ним. «Джор, Рас Окан, Оар Та! Вейран, малыш, спокойно... Тихо, ребята, тихо. Все хорошо. Мы уходим. Тихо себя ведем, вот так... Все хорошо, я с вами». Он поглаживал перепуганных лорсят по взъерошенным спинам, распутывал ремни, ставил малышей на ноги. «Вейран, стой. Вот умница. Оар Та, не дрыгайся. Хороший парень, молодец...»

Площадь затаила дыхание. Замерли молодые Лерои, стояли с разинутыми ртами обычно горластые кумушки, и даже ребенок, который минуту назад гарцевал на собаке, не завопил, а с полным пониманием дела соскочил наземь и зажал своему «скакуну» пасть.

Женщина в алом сидела на мешках с мукой, как неживая.

Даниэль хлопнул Сат Аша по крупу, вполголоса велел:

– Пошел.

Умный лорс послушно двинулся к распахнутым воротам форта, за ним побежали успокоенные лорсята. Даниэль широко шагал, придерживая ладони на спинах Белогрудого и Громового Копыта – Джора и Рас Окана. «Сейчас, ребята, я вас уведу, все будет хорошо, никто вас не обидит...»

Старый форт был обитаем – скорей по традиции, чем по необходимости. Внутри его стен находилось несколько оставшихся от первого отряда Стражей Границы барачков, между которыми не по-осеннему ярко зеленела трава, и стояла крошечная церквушка, заботливо подновленная и подкрашенная дорогой белой краской. В одном из барачков, перестроенном и утепленном, жил начальник поселковой стражи, киллмен Жильбер Карро, со своей семьей. Остальные стражи селились в домах, выстроенных возле форта, с противоположной от площади стороны.

Даниэль направил лорса не к жилому барачку, а к самому дальнему от ворот. Нижняя половина окон в этом строении была наглухо заколочена досками, зато верхняя сияла чисто промытыми стеклами. В форте ждали лорсят и готовились к их появлению. Даниэль бросил взгляд на кучу свежих, еще влажных водорослей, накошенных на отмелях Атабаска и сложенных у стены. Это правильно – водоросли лорсы любят, и лакомство послужит для телят утешением в разлуке с матерями и пастухом. Они тоже заметили угощение и все как один пустились обгонять Сат Аша, опять перепутав ремни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.